

Российская академия архитектуры и строительных наук
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Выпуск 60

Ответственный редактор
И. А. Бондаренко

Издание основано в 1951 г.

Содержание

<i>И. А. Бондаренко.</i> Печь и красный угол: к вопросу о происхождении традиции взаимного расположения	5
<i>Вл. В. Седов.</i> Церковь Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры	11
<i>Д. А. Петров.</i> Русские летописи и вопросы хронологии строительства стен и башен Московского Кремля в 1480–1490-х гг.	27
<i>С. И. Баранова.</i> Московский изразец XVII века: от Белого моря до Поволжья и Сибири	43
<i>Л. Д. Мазур.</i> Эволюция архитектурного облика торговых пространств Владимира в XVII столетии	60
<i>Е. В. Гусарова.</i> «Петров чертеж Астрахани» — ранний городской план русских геодезистов	78
<i>Т. Л. Никитина.</i> Утраченная деревянная церковь на подворье ростовских архиереев в селе Шестаково	102
<i>А. Б. Бодэ.</i> Архитектура и характерные особенности деревянных часовен Водлозерья	108
<i>Л. К. Масиель Санчес.</i> Архитектурное освоение Сибири в начале XVIII в.	122
<i>Н. П. Крадин, Д. С. Масленникова.</i> Истоки монастырского строительства на окраинных землях Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.)	139
<i>Н. В. Грязнова.</i> «Вторая беда» России и попытки ее устранения в период правления Екатерины II.	161
<i>Ю. Г. Клименко.</i> Дом И. И. Юшкова в генезисе московских классицистических домов с угловой ротондой	169
<i>А. Н. Яковлев.</i> Церковь Св. Варвары на Варварке. Типология и иконография	186
<i>М. В. Николаева, М. Б. Михайлова, Ю. М. Эскин.</i> Неисследованные документы к биографии архитектора Джакомо Кваренги	204
<i>И. Н. Соловьева.</i> Проекты и постройки храмов «русско-византийского стиля» на Брянщине (1840-е — 1860-е гг.)	221
<i>О. П. Щенкова, А. С. Щенков.</i> Ордерные и средневековые мотивы в архитектуре Китай-города 1870–1880-х гг.	233
<i>И. Е. Печёнкин.</i> К вопросу об истоках неорусского стиля в архитектуре второй половины XIX в.	241
<i>Е. В. Баранцева.</i> Эволюция территории Алексеевского монастыря	253
<i>Е. В. Конышева.</i> Проекты «Большой Москвы» (1931–1932) германских архитекторов: истоки, влияния, трансформация опыта	265
<i>Г. А. Птичникова, П. П. Олейников.</i> Общественное пространство советского города 1930-х гг. (на примере проектов площадей Сталинграда)	285
<i>А. А. Хисамутдинов, Ив Франкьен.</i> Архитектор В. А. Плансон во Владивостоке и Сан-Франциско	299
Список сокращений	313
Информация о сборнике	315

Л. К. Масиель Санчес

Архитектурное освоение Сибири в начале XVIII в.

Масиель Санчес Л. К.

Архитектурное освоение Сибири в начале XVIII века

В 1699–1714 гг. на государственные средства мастера из Москвы, Ярославля, Соликамска, Тобольска и др. городов велось масштабное каменное строительство более чем в десятке городов Сибири. В Верхотурье, Далматовом монастыре, Тобольске, Тюмени, Енисейске, Иркутске и Нерчинском монастыре сохранились построенные тогда каменные кремли, гостиные дворы, приказные избы и храмы. Их архитектура — яркие образцы столичного нарышкинского стиля. Несмотря на некоторые архаические допетровские черты, они оригинальны и порой уникальны по сложной композиции (крещатое пятиглавие на восьмерике) или изощренному декору (изразцовые композиции в виде солнц). Анализ этих зданий в общерусском контексте позволяет считать их самым передовым архитектурным явлением своего времени вне Москвы и ее окрестностей. Опыт этого строительства во многом подготовил и предопределил успех начавшегося несколько позже крупнейшего строительного мероприятия Европы XVIII в. — возведения новой столицы России Петербурга.

Ключевые слова: Сибирь, государство, нарышкинский стиль, собор, кремль, образец

Масиель Санчес Лев Карлосович, к. иск., НИИТИАГ РААСН, ст. науч. сотр.
E-mail: leomaciel@mail.ru

Maciel Sanchez Lev Karlosovich, Candidate of Art History, NIITAG RAASN, Senior Researcher. E-mail: leomaciel@mail.ru

Maciel Sanchez L.K.

Architectural Development of Siberia in the Early 18th Century.

In 1699–1714 the state financed extensive stone construction, which was conducted by numerous masters from Moscow, Yaroslavl, Solikamsk, Tobolsk, etc. in more than a dozen Siberian towns. In Verkhoturiye, Dalmatovo Monastery, Tobolsk, Tyumen, Yeniseisk, Irkutsk and Nerchinsk Monastery we can see extant stone kremlins, market centers, office buildings and churches erected in those years. Their architecture represents a fine example of the Naryshkin Style of the capital. In spite of certain archaic features, belonging to the time before Peter I's epoch, they look original and sometimes unique, taking into account their complex composition (cross-oriented five-domed top over an octagonal base) or elaborate décor (tile compositions in the form of suns). After analyzing these constructions within the general Russian context, one may come to the conclusion that we are dealing with the most advanced architectural approaches of the time that existed outside of Moscow and its environs. The experience of these works in many ways prepared and determined the success of the grandest construction project in 18th-century Europe, which took place somewhat later — creation of St. Petersburg as the new Russian capital.

Key words: Siberia, state, Naryshkin Style, cathedral, kremlin, model

Расширение России за Урал началось походом Ермака 1581–1582 гг. и в основном завершилось к середине XVII в. Первоначальное строительство здесь было исключительно деревянным. Первые каменные здания строятся в Тобольске*: закладка в 1683 г. кафедрального собора знаменует собой начало традиции местного каменного храмо-строения. Этот процесс начался в Сибири одновременно с другими регионами Северо-востока России: если в Великом Устюге** начали строить в камне еще в 1648 г., то в Нижнем Подвинье в 1664 г., на Вятке в 1676 г., Каргополье и на Урале — в 1678 г. Заказчиком каменных зданий на первом этапе во всех этих регионах выступала церковь, в каждом из них постепенно складывалась своя региональная архитектурная школа. Сибирь представляет в этом смысле единственное исключение. Дело в том, что в 1697 г. издаются государственные указы о масштабном каменном строительстве во всех сибирских городах — ключевых административных, торговых и оборонительных центрах по Туре (Верхотурье***, Тюмень), Исети (Далматов монастырь^{4*}), Иртышу (Тобольск), Томи (Томск), Енисею (Енисейск^{5*}, Красноярск), Ангаре (Иркутск), Байкалу (Посольский монастырь^{6*}), Шилке (Нерчинск^{7*}) и Лене (Якутск). Это был первое подобное мероприятие в истории русской архитектуры: почти одновременно более чем в десятке городов на огромной территории было решено построить каменные кремли, гостиные дворы, приказные избы и храмы. В строительстве некоторых из этих зданий принимали участие и церковные заказчики (Далматово, Тюмень). В Тобольске и Тюмени работала также самостоятельная митрополичья артель, включавшая украинских мастеров¹. Активное строительство началось в 1700 г. и начало затухать после издания указа 1714 г. о запрете каменного строения по всей России, кроме Петербурга; последние здания заканчивались уже в 1720-е гг.

* Ныне в Тюменской обл.

** Ныне в Вологодской обл.

*** Ныне в Свердловской обл.

4* Ныне в г. Далматово Курганской обл.

5* Ныне в Красноярском крае.

6* Ныне в селе Посольское Кабанского р-на Республики Бурятия.

7* Ныне район в Забайкальском крае.

Гостиный двор в Тобольске. Ок. 1703–1708. Фотография автора. 2003 г.

Активное каменное строительство в Сибири возобновилось только в середине 1740-х гг. и во многом было связано с приездом новых мастеров из Европейской России. Таким образом, возведенные по государственному заказу здания 1700-х — 1710-х гг. естественно образуют собой особую группу, весьма непохожую на архитектуру других дальних российских регионов.

Что успели возвести за указанное время и какие постройки сохранились?

Основное строительство сконцентрировалось в Западной Сибири. Известно, что в Верхотурье, через которое шла главная дорога на Сибирь; в 1699 г. была направлена артель из 23 человек во главе с подмастерьями Моисеем Ивановым Долгих и Тимофеем Марковым Гусевым. В 1698–1712 гг. здесь строился кремль и входящие в его состав приказные палаты (1700, разобраны ок. 1825), воеводский дом (1701, разобран в 1802), амбары (1703, перестроены 1913–1914), гостиный двор (сгорел в 1738) и собор (1703–1709). В Далматовом монастыре* на Исети, имевшем важное оборонительное значение, в 1707–1720 гг. возводился собор (артель ярославца Ивана Борисова Сороки, работавшего до того в Верхотурье и Тюмени), в 1713–1763 гг. — шестиугольник крепостных стен с башнями. Комплекс монастыря дошел до нашего времени в обезображенном виде. В Тюмени заготовка кирпича началась в 1700 г., и в 1702–1708 гг.

артель московских мастеров Федота Меркурьева Чайки и Кирилла Григорьева Шадрина построила Благовещенский собор на каменных амбарах; он был полностью уничтожен в 1930-е гг. Во главе строительства в Тобольске в 1698 г. был поставлен местный уроженец сын боярский Семен Ульянов Ремезов (1643 — после 1720). В 1700–1701 гг. была построена двухэтажная приказная палата (полностью перестроена после 1780), ок. 1703–1708 гг. — гостиный двор. После прибытия в столицу Сибири первого губернатора (1711–1719) кн. Матвея Петровича Гагарина начинается строительство кремлевских стен, включивших в себя уже существовавший к тому времени собор Св. Софии (1683–1686) и гостиный двор. Над ведущим из нижнего города к собору взвозом в 1714–1717 гг. были построены Дмитриевские ворота, между ними и приказной палатой, включенной в линию стен, — Вознесенский собор (освящен в 1713, рухнул в 1717); еще две башни было возведено на берегу Иртыша. Строительство кремля шло медленно, ибо скоро стал очевидным анахронизм самой идеи; после того, как в 1717 г. неожиданно обрушилась Вознесенская церковь, строительство в Тобольске прекратилось вовсе.

Строительство в центральной и восточной частях Сибири велось в более скромных масштабах. В Томск в 1701 г. из Москвы на строительство амбаров и приказной избы были отправлены мастера Никита Тихонов и Савка Михайлов (последний вернулся в Москву в 1707²); планировалось и строительство каменного Благовещенского собора. Но было

* Ныне в городе Далматово Курганской обл.

Троицкий собор в Верхотурье. 1703–1709. Фотография А. А. Ракитина. 2005 г.

ли что-то построено, неизвестно: город еще в начале 1770-х гг. оставался полностью деревянным. Также ничего неизвестно о каменных постройках Красноярска, куда в 1701 г. были командированы «мастера кирпичного обжига и каменного строения», а в 1704 г. «черепичники» из Тобольска³. В соседнем Енисейске присланный в 1708 г. из Тобольска Федот Меркурьев Чайка построил Богоявленский собор (1709–1712) и, возможно, гостиный двор (по другим данным возведен в сер. XVIII в., не сохранился); уцелели также каменные жилые дома этого времени⁴. В Иркутск в 1701 г. были направлены мастера из Верхотурья — Моисей Иванов Долгих и Киприан Андреев⁵. Были построены приказная изба (1702–1706, не сохранилась), Спасский собор (1706–1713), начато затянувшееся на четверть века строительство Богоявленского собора (1718–1746). На Байкале, в Посольском монастыре, где формировались торговые караваны в Китай, в 1707–1714 гг. велась подготовка к так и не начавшемуся строительству собора. Два скромных храма были возведены в далеком Нерчинске (1712–1720, не сохранился) и пригородном Успенском монастыре* (1712), бывшем тюрьмой для «государевых преступников». Наконец, в Якутске, куда в 1700 г. были отправлены из Тобольска Алексей Турна и Иван Сметка⁶, были построены не дошедшие до нашего времени приказная изба (1706–1707), Троицкий собор (1708–1727) и Введенская церковь (1710).

* Ныне село Калинино Нерчинского р-на Забайкальского края.

Таким образом, несмотря на типологическое разнообразие возводившихся построек, наиболее важными из них являются храмы: они в меньшей степени избежали позднейших перестроек и разрушений, половина из них дошла до нашего времени, формы остальных — кроме храмов Якутска — можно восстановить по фотографиям, рисункам или гравюрам. Эти памятники не относятся к малоизвестным — почти о каждом из них существуют научные публикации. Тем не менее они никогда не рассматривались вместе, как группа памятников, а их архитектура практически не ставилась в общерусский контекст.

Троицкий собор в Верхотурье⁷, встроенный в восточную стену кремля, был заложен в 1703 г. и уже в следующем 1704 г. практически окончен; освящение состоялось в 1709 г., но отделка продолжалась еще год. Строили собор в основном соликамские каменщики, но ведущая роль принадлежала московской артели, возглавляемой, по всей видимости, москвичом Тимофеем Марковым Гусевым; эта стройка стала школой обучения и для верхотурцев, потом много строивших в городах Сибири⁸. Сам Гусев происходил из московской Гончарной слободы, что объясняет великолепное изразцовое убранство собора. В 1710–1712 гг. к основному объему был пристроен теплый Харлампиевский придел — скромный бесстолпный одноглавый храм посадского типа с примитивным нарышкинским декором.

Верхотурский собор является постройкой типа «восьмерик на четверике» с расположением тра-

пезной и колокольни на одной оси с храмом. Особенность композиции собора в том, что объемы подчеркнута обособлены друг от друга⁹. К массивному приземистому четверику с востока примыкает более узкая пятигранная апсида (некогда увенчанная фонарем с главкой¹⁰), а с запада — трапезная, одинаковая по ширине с апсидой. Большой восьмерик — более узкий и низкий, чем четверик, — увенчан крещатым пятиглавием на глухих барабанах, причем боковые главы, установленные на постаментах-люкарнах, находятся на одном уровне с центральной, совсем немного уступая ей по высоте. К западу от трапезной — более низкий и более узкий притвор, на нем — повторяющая его в уменьшенном масштабе палатка, служащая постаментом для стройного восьмерика колокольни с двумя сужающимися ярусами звона и шатром.

Декор сосредоточен на карнизах и гранях четвериков, а также вокруг окон; остальное пространство стены не заполнено. Ордеру отведена здесь ведущая роль. Трехчетвертные колонны с «коринфскими» капителями (с кирпичным аканфом) закрепляют углы четвериков; ребра восьмериков подчеркнуты более тонкими колонками с капителями, имеющими ту же форму, что и кронштейны-«кубики», проходящие под карнизами всех объемов. Окна украшены ордерными наличниками с треугольными фронтонами (в том числе и разорванными) или с двумя завитками (и двумя меньшими над ними). Часть фриза над колоннами по углам основного четверика и палатки состоит из баясин. По всем фризам четверика и восьмерика основного объема, а также трапезной и восьмерика колокольни идет изразцовая хромозданная надпись. В шейки колонн, антаблементах наличников и кронштейны-«кубики» вставлены желто-зеленые изразцовые розетки. Особенно эффектно изразцовое убранство восьмиугольных окон верхнего света на основном четверике — они окружены напоминающими солнечные лучи (или цветочные лепестки) формами — и венчании, где из изразцов целиком выполнены наличники люкарн и ордерная декорация барабанов.

Собор — первое здание типа восьмерик на четверике не только за Уралом, но и на всем Северо-Востоке России. Этот тип появляется здесь в начале XVIII в.: в Устюге восьмериком увенчаны церковь Александра Невского (1707; не сохранилась)^{*} и Никольский придел Воскресенского собора в Лальске^{**} (освящен в 1711), на Вятке — Преображенская церковь в Слободском (1699–1717; не сохранилась) и Пятницкая в Хлынове^{***} (1705–1712; не сохранилась),

в Приуралье — собор Иоанно-Богословского монастыря в Чердыни^{4*} (1718). При этом собор в Верхотурье не повторяет какую-либо сложившуюся схему: его крещатое пятиглавие на большом восьмерике не имеет точных аналогов. Это пятиглавие не раз привлекало внимание исследователей: его сравнивали с венчанием деревянных храмов¹¹, собора московского Донского монастыря (1684–1698), строгановских храмов в Нижнем Новгороде¹². Он действительно имеет венчание, сходное с церковью Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде (1697–1703): там также применено крещатое пятиглавие на световых объемах, только не на люкарнах, а крупных кубических формах. Такое же венчание имела московская церковь Параскевы Пятницы на Охотном ряду (1686–1687, не сохранилась). В остальном — если не считать грандиозный масштаб — постройки различны: строгановские мастера не используют ни большой восьмерик, ни постановку колокольни, трапезной и храма по одной оси, а роскошный белокаменный декор строгановских построек не только не повторяется, но и не служит предметом подражания (как это имело место, например, в архитектуре собора в Лальске, 1698–1715, по отношению к строгановскому Введенскому собору в Сольвычегодске, 1689–1693). Однако тот факт, что собор в Верхотурье не относится к кругу строгановских построек, не исключает того, что идея поставить главы крестом могла родиться и под влиянием только что отстроенной (хотя и не освященной) Рождественской церкви: на Урале влияние Строгановых было более чем ощутимым, да и сам Нижний Новгород был не столь уж далеко. Другой возможный источник завершения — знаменитая московская церковь Успения на Покровке (1696–1699; не сохранилась), где восьмерик завершался всего одной главой, но был украшен люкарнами, между которыми на углах четверика стояли малые главы. Близкую аналогию общей композиции Верхотурья, особенно по пропорциям и соотношению объемов (но не по сложности венчания храма и завершения колокольни) составляет композиция Георгиевской церкви в Нижнем Новгороде (1702, не сохранилась). Этот высококачественный образец столичного нарышкинского стиля не связан со Строгановыми и имеет очевидно московское происхождение; год его завершения позволяет предположить, что работавшие на его возведении мастера могли потом принять участие в строительстве верхотурского собора.

Что касается декора Троицкого собора, то его элементы восходят как к допетровской, так и к нарышкинской традиции. Некоторые из них выдают руку мастеров из Соликамска^{5*}, крупнейшего строительного центра соседнего Приуралья. Баясины в оформлении карниза есть в Богоявленской

* Храм, судя по его виду, перестраивался, так что уверенности в изначальности его очень приземистого восьмерика нет.

** Ныне поселок городского типа в Лузском р-не Кировской обл.

*** Ныне Киров.

4* Ныне в Пермском крае.

5* Ныне в Пермском крае.

Троицкий собор в Верхотурье. 1703–1709. Восьмерик и венчание. Фотография А. А. Ракитина. 2004 г.

Георгиевская церковь в Нижнем Новгороде. 1702. Фотография начала XX в.

Церковь Успения на Покровке в Москве. 1696–1699.
Фотография конца XIX в.

церкви (1687–1695; в Верхотурье они помещены не во фризе, а непосредственно под карнизом), завитковые наличники — на Вознесенской церкви Вознесенского монастыря (1698–1704) и окна нижнего света Крестовоздвиженского собора (1698–1709). Правда, два последних памятника фактически одновременны верхотурскому собору, а с другой стороны, завитковые наличники были известны и московской традиции, так что считать их специфическими соликамскими деталями не приходится. Такая деталь, как вытянутые щипцы килевидных кокошников над арочками верхнего звона колокольни, встречается в допетровской архитектуре, например на колокольне московского храма Николы в Хамовниках (1679–1682). Особенно близка собору по набору деталей Никольская церковь в селе Нырб* (1704–1705). А. Ю. Каптиков пишет, что ее «декоративные новшества [...] превосходили созданное в Верхотурье»¹³; но поскольку церковь строилась после собора (фактически оконченного уже в 1704), то она скорее подхватывала, нежели превосходила его формы. Сплошное изразцовое оформление люкарн находит параллель в украшениях боковых глав церкви Параскевы Пятницы на Охотном ряду, обрамления восьмиугольных окон в виде лучей — лишь в созданном одновременно с верхотурским

* Ныне поселок городского типа в Чердынском р-не Пермского края.

Никольская церковь в селе Ныроб. 1704–1705.
Фотография А. А. Ракитина. 2004 г.

Троицкий собор в Верхотурье. 1703–1709. Декор четверика.
Фотография автора. 1999 г.

храма¹⁵. Работы были завершены артелью под началом «каменных дел подмастерья» Якова Афанасьева в 1708 г.

Благовещенский собор Тюмени во многом был близок верхотурскому и построен по сходной объемно-пространственной схеме; С.Н. Баландин предполагает даже использование одного образца или чертежа¹⁶. Храм был поставлен на амбар без сводов с накатными потолками. Основа компози-

убранстве соседнего тюменского собора (о нем ниже).

Собор в Верхотурье — первая постройка нарышкинского стиля на Урале и в Сибири. Созданный в эпоху его расцвета, собор не повторяет какой-либо образец, но творчески использует столичные формы (уникальная композиция крещатого пятиглавия), сочетая их с отдельными традиционными чертами (подчеркнутое обособление объемов, шатровая колокольня).

Благовещенский собор в Тюмени (1700–1708; не сохранился) был возведен на каменных амбарах 1700–1702 гг.). Основная часть работ проводилась в 1702–1704 гг. под руководством присланного из Тобольска Федота Меркурьева Чайки. В строительстве храма принимал участие сибирский митрополит свт. Филофей Лещинский (1650–1727, занимал кафедру в 1702–1711 и 1717–1720). В 1703 г. он указывал, чтобы были «у той церкви над дверьми, над окнами сделаны шпренгеля и по сторонам столбы вместо каменных из глины формою печатаны», для чего распорядился прислать в Тюмень опытного мастера из архиерейского дома¹⁴. Он освятил церковь 31 октября 1704 г., еще до завершения. В июне 1706 г. оставалось построить колокольню; хорошо известен рисунок, посланный в феврале этого года в Сибирский приказ, достаточно точно отражающий формы

Благовещенский собор в Тюмени. 1700–1708.
Открытка начала XX в.

ции — четверик с восьмериком, трапезная и прямоугольная апсида; на уровне пола собора с севера и юга было устроено гульбище с балюстрадой. Восьмерик увенчан одной главой, но по углам четверика расставлены кубические объемы, увенчанные главами на крещатых бочках (формы этих объемов, судя по всему, были искажены переделками), благодаря чему образуется «пятиглавие»; формы всех куполов подвергались изменениям. Судя по рисунку 1706 г., по периметру четверика, между «бочками», был устроен балкон. Первоначальная колокольня, формы которой видны на гравюре, исполненной по рисунку Махаева, была шатровой¹⁷. Она стояла на двухэтажном притворе. Как и в Верхотурье, восьмерик, апсида и трапезная были уже четверика, притвор — уже трапезной, а восьмерик колокольни — уже верхнего четверика притвора. Но здесь эта «уступчатость» была меньше, а главное, никак не подчеркивалась формами декора. По сравнению с Верхотурьем, в Тюмени было очень мало окон — глухими были диагональные грани восьмерика, три окна вместо пяти было на апсиде, четверик имел лишь окна нижнего света. Ребра объемов были подчеркнуты пилястрами слабого выноса, на четверике на их нижние части были наложены строенные полуколонки, на трапезной — сдвоенные, одиночные фланкировали грани апсиды и восьмериков храма и колокольни. Единственным украшением карнизов были их многочисленные профили. Главным инструментом декораторов был здесь не рельеф, создававший светотеневые эффекты, как в Верхотурье, а цвет. Центральная глава храма, сделанная из дерева (она имела диаметр свыше 9 м при высоте в 7,5 м), была покрыта желтой черепицей. Малые купола были расцвечены чередующимися спиральными полосами красного и зеленого цвета. Кровли восьмерика, трапезной и алтарной апсиды были покрыты черным и белым «кровельным кирпичом (...) в закрой»¹⁸. Плоскости стены были окрашены в красный цвет, а пилястры и полуколонки — в белый. Все остальные декоративные детали — балясины балкона, колонки и «шпренгеля» наличников, обрамления порталов и фриз («летопись кругом алтаря и трапезы») были из зеленых и фиолетовых изразцов. Присущая майоликовому декору Благовещенской церкви изобразительность уникальна для Сибири. Изображения двуглавых орлов помещались над очельями наличников, а в полях этих фронтонов цвели фантастические травы. Из этих же райских трав было создано майоликовое панно на северной стене трапезной, размером в человеческий рост; в травах были и майоликовые вставки кубов под малыми главами. Лики и кресты, окруженные солнечными лучами, занимали верхнюю часть стен четверика (в Верхотурье такими же лучами украшены расположенные на месте ликов восьмиугольные окна). Рисунком из виноградных лоз были украшены колонки наличников и портала. Изразцовый декор

Благовещенского собора был выполнен московскими мастерами.

В отличие от собора в Верхотурье, на тюменский храм не просто повлияла, но была взята за образец церковь Успения на Покровке (1696–1699). Помимо сходного построения с трапезной и колокольней по оси, опоясывающим храм на уровне подклета гульбищем, совпадают и такие редкие детали, как главы по углам четверика вокруг большого восьмерика, парапеты с балясинами вокруг него и даже «слившиеся» наличниками четыре окна (в московском храме они размещались на южном фасаде четверика, а в тюменском переместились на западный фасад колокольни).

В 1706 г., когда еще продолжались работы по стройке и отделке соборов в Верхотурье и Тюмени, в Далматовом монастыре на реке Исеть артелью, состоявшей преимущественно из соликамских каменщиков¹⁹, под руководством приехавшего из Верхотурья ярославца Ивана Борисова Сороки началась заготовка материалов для строительства собора и других зданий грандиозного монастыря. Нижний этаж собора был заложен летом 1707 г. и освящен 9 декабря 1711 г. в честь Рождества Христова. Возведение верхней Успенской церкви началось в 1713 г. силами сформировавшейся на предыдущем этапе строительства местной артели каменщиков во главе с Яковом Гордеевым Смирных. Строительство каменного храма с деревянной папертью на каменных столбах (над трапезной нижнего этажа) было окончено к 1717 г., он был освящен 13 августа 1720 г.; каменная колокольня над палаткой-книгохранилищем была

Церковь Успения на Покровке в Москве. 1696–1699.
Фрагмент фотографии конца XIX в.

Успенский собор Далматова монастыря. 1707–1720. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1910 г.

завершена к 1719 г. Во время пожара 1742 г. погибли все деревянные элементы храма; новые перестройки были сделаны после пожаров 1771 и 1852 г. После пожара 1769–1771 гг. строится каменная верхняя трапезная. В 1852 г. храм сильно пострадал в пожаре, но его архитектура была восстановлена в формах, по всей видимости, близких оригинальным. До нашего времени дошел лишь основной объем монастырского собора — с полностью изуродованной трапезной и без венчания; колокольня не сохранилась.

Далматовский собор построен по иной схеме, чем другие сибирские соборы первого десятилетия XVIII в. Нижний храм — четырехстолпный, последний подобного типа. Он двусветный, что не находит аналогий для нижних храмов, всегда строившихся как низкие, сохранявшие тепло помещения; скорее всего, первоначально планировалось возвести одноэтажный храм. Однако решение поменялось в процессе строительства, что отразилось в уменьшении размеров верхних окон, ставших почти квадратными; при этом собор стал первым двухэтажным храмом за Уралом. Нижняя апсида имеет очень сильный вынос по отношению к верхней, трапезная шире четверика. Трапезной на втором этаже изначально не было: между верхней церковью и колокольней находилась узкая деревянная паперть с кровлей на каменных столбах. Северная и южная двери вели из храма и с паперти на гульбище, устроенное на сводах трапезной нижнего храма, а также

на сводах придела и трапезной (с севера) и балконе-галерее (с юга). С северо-западной стороны находилось каменное крыльцо с двухпролетной деревянной лестницей, ведущей на паперть верхнего храма. Подобная усложненная композиция вновь напоминала о церкви Успения на Покровке с ее гульбищем и отдельно стоящей колокольней. В главном венчании храма продолжало тему собора в Верхотурье: оно крещатое на люкарнах. Но поставлено оно было непосредственно на четверик, а люкарны составляли центральные части четырех фигурных фронтонов, ставших продолжением плоскостей стен, четверика. Мотив обрамленного волютами ордерного киота был популярен в нарышкинской архитектуре*; идея его увеличения и использования в другой части храма была задана оформленными подобным образом воротами верхотурского кремля (ок. 1699–1703)**.

* Восьмерик храма Покрова в Филях (1690–1693), четверик строгановской Казанской церкви в Устюжне (1694), восьмерики над трапезной и алтарем церкви Успения на Покровке (1696–1699) и мн. др.

** Не могу согласиться с мнением А. Ю. Каптиева, что пятиглавие на четверике с фигурными фронтонами является украинизмом (Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII века. Свердловск, 1990. С. 50): никаких украинских аналогий исследователь не приводит, в то время как нарышкинские истоки этих форм очевидны.

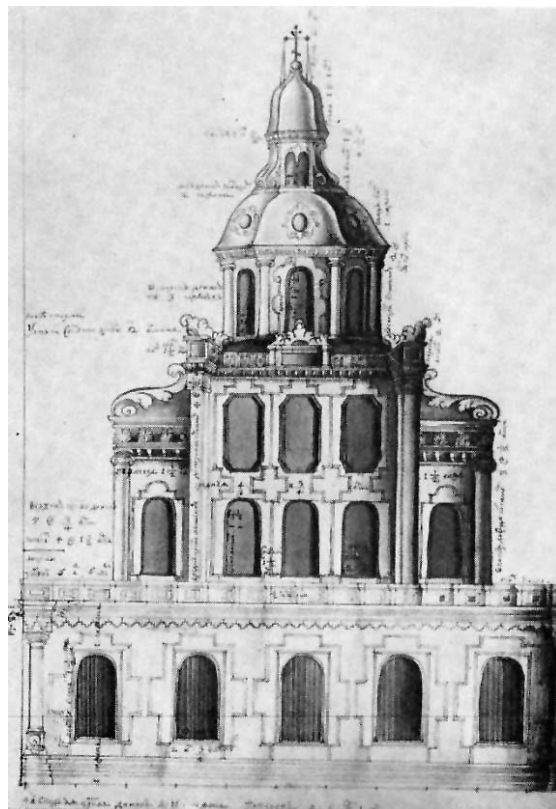
Ворота Верхотурского кремля. Ок. 1699–1703. Фотография А. А. Ракитина. 2004 г.

Несмотря на то, что в композиции была подчеркнута вертикаль — пилястрами слабого выноса на четверике верхнего храма, полуколонками с пальмовидной капителью на четверике нижнего, — объем собора воспринимался очень приземистым. Такому восприятию способствовали и отсутствие восьмерика в завершении (его возведение сделало бы храм еще более громоздким), и удлиненность трапезной (четыре оси вместо трех, как в Верхотурье и Тюмени), и сильный вынос нижней апсиды, и подчеркнутость карнизов, отягощенных, особенно на четверике, профилировками и сложным декором (на трапезной карнизов было целых три — из-за необходимости повесить ее при изменении замысла для устройства гульбища). Стройности не способствовали и многочисленные окна, которых на одном только южном фасаде было 19 (в тюменском соборе — 19 на весь храм²⁰). В декоре использованы преимущественно нарышкинские наличники — без очелья (люкарны, а также нижний свет зимнего храма, где очелья просто не поместились) и разновидности верхотурских завитков — «рога» (с сильно закрученными концами — летний храм) и «медвежьи уши» (с концами, соединенными горизонтальной перекладиной — зимний храм). Присутствуют и допетровские детали. Арки звона колокольни так же, как в нижнем звоне храма в Верхотурье, были оформлены килевидным обводом; такое же оформление имеют и сохранившиеся башни Далматова монастыря. Широко используется жучковый орнамент, наличники с трехлопастными очельями, про-

филированные лопатки с вставками-ширинками («изразец» выполнен в кирпиче). Такие мотивы, как объединение наличников окон зимнего храма по вертикали и расставленные между этими окнами колонны-пальмы, могли быть навеяны украинским барокко²¹.

Таким образом, в целом следуя традиции московского нарышкинского стиля, заданной соборами в Тюмени и Верхотурье и ориентированной на храм Успения на Покровке, архитектура собора Далматова монастыря в большой степени отразила участие соликамских мастеров и в небольшой — украинских, из митрополичьей артели.

Несколько иной вид имел Вознесенский собор в Тобольске, освященный 17 декабря 1713 г. и рухнувший через четыре года. Сохранился чертеж, дающий представление о том, какой замышлялась эта постройка. Речь идет обо относительно небольшой постройке с двусно-симметричной композицией: двусветный храм типа «восьмерик на четверике», завершенный высоким сводом с малым восьмериком, к которому примыкают равновеликие объемы алтаря и притвора. Храм стоит на высоком нижнем этаже и окружен гульбищем. Подобная композиция с одинаковым успехом может быть названа

Вознесенский собор в Тобольске. Чертеж С. У. Ремезова. Кириллов В. В. Тобольск. М., 1984. С. 94

13. Церковь Свв. Петра и Павла на Новой Басманной ул. в Москве. 1705–1714. Фотография автора. 2005 г.

нарышкинской (ср. храмы Троицы в Троице-Лыкове, 1690–1695, основной объем Успения на Покровке и др.) и барочной (ср. храм Свв. Петра и Павла на Новой Басманной ул. в Москве, 1705–1714). Декор должен был сочетать нарышкинские формы (угловые трехчетвертные колонны, петушиный гребень в завершении центрального прясла четверика и др.) с выразительными формами петровского барокко (очертания кровель, наличники окон). Таким образом, в его облике в целом должны были преобладать формы петровского барокко, что делало его единственным образцом этого стиля в Сибири.

Собор в Енисейске — один из самых сложных для изучения памятников сибирской архитектуры. Собор вместе с северным приделом, трапезной и колокольней строился в 1709–1712 гг. артелью каменщиков под руководством москвича Федота Меркурьева Чайки, до того работавшего в Тобольске и Тюмени. Ранее считалось, что собор сгорел в пожаре 1732 г. и был выстроен заново²², однако недавнее исследование показало, что пожар почти не повредил собору²³. В 1738–1740 гг. к собору был пристроен южный Введенский придел. Известно, что собор был одноглавым, но точные формы венчания не ясны: на гравюре Е. А. Федосеева 1770 г. (по зарисовкам экспедиции И. Люрсениуса 1734 г.) восьмерик и колокольня завершаются массивной кровлей, скорее напоминающей грушевидную украинскую, на рисунке Я. Плотникова 1759 г. — относительно невы-

Богоявленский собор в Енисейске. Рисунок Я. Плотникова.

Шумов К. Ю. К вопросу о первоначальном архитектурном облике Богоявленского собора в Енисейске // ПКНО. М., 2000. С. 575

сокой кровлей с барочным изломом*. После нового опустошительного пожара 1778 г. на восьмерике было установлено пятиглавие, колокольня приобрела шпиль. Сложность изучения собора усугубляется тем, что в 1930-е гг. основной объем и венчание колокольни были разобраны, а уцелевшие до нашего времени трапезная с двумя приделами и колокольня находятся в полуунирированном состоянии.

Объемно-пространственная композиция собора — «восьмерик на четверике» с трапезной и колокольней по оси — едва ли не самая распространенная в XVIII в. Однако в рассматриваемый период она только складывается, ее первым примером на территории за Уралом и естественным образцом для Енисейска оказывается Благовещенский собор в Тюмени, построенный артелью того же Федота Чайки. При этом сама артель состояла явно не из каменщиков, проявивших себя в нарышкинских формах соборов в Верхотурье и Тюмени, но из мастеров допетровского зодчества, чье влияние было ощутимым в Далматове. Из всех рассматриваемых

* Единственным сибирскими образцом для грушевидных кровель могли быть «бани» Троицкого тюменского собора. Он строился в 1708–1715 гг., и таким образом вполне возможно, что к 1712 г., когда заканчивали строить енисейский собор, тюменский уже был вчерне отстроен. С другой стороны, возведение украинизирующих глав могло быть личным заказом митрополита Филофея, хотя о каком-либо его участии в строительстве собора в Енисейске не известно. К. Ю. Шумов указывает на Тюмень как образец для глав, и кроме того считает само по себе одноглавие украинизмом, с чем можно согласиться (См.: Шумов К. Ю. К вопросу о первоначальном архитектурном облике Богоявленского собора в Енисейске // ПКНО. М., 2000. С. 577). Нельзя не учитывать и условность гравюрных изображений, где обычной барочной кровле могли быть приданы гипертрофированные черты.

Богоявленский собор в Енисейске. 1709–1712, 1738–1740, после 1778. Фотография начала XX в.

Богоявленский собор в Енисейске. 1709–1712. Северный придел. Фотография автора. 2001 г.

построек собор в Енисейске получает самый архаичский декор, полностью состоящий из допетровских форм, что не имеет аналогов в Сибири. Края объемов украшены двойными и тройными тягами полукруглого сечения, наложенными прямо на горизонтальные ряды декора — тонкие тяги и пояса жучкового орнамента. В карнизе использована пила, во фризе — роскошные балясины с розетками. Набор форм выдает решающее участие соликамцев в строительстве собора, отсутствие буквальных совпадений в сочетании этих форм — их длительный отрыв от работы на родине.

Последним в ряду сибирских соборов петровского времени стоит иркутский Богоявленский со-

бор. Он был заложен в 1718 г. на сводчатых кладовых одновременно с северным Петропавловским приделом. Придел был окончен в 1724 г., в 1729 г. был освящен придел Иоанна Воина под колокольной. К 1731 г. был в основном окончен холодный придел Богоявления, но работы по его отделке затянулись; к тому же в 1742 г. рухнул шатер колокольни. Освящение главного престола состоялось только в 1746 г. Известно, что после 1714 г. в Иркутск из Верхотурья отправились мастера Моисей Иванов и Куприян Андреев. Между 1728 и 1731 г. уставщиком на строительстве был Василий Гаряев, также работавший над Троицким собором в Верхотурье. В 1764 г. к собору было пристроено еще три придела — Казанской иконы Богородицы, Иоанна Предтечи и Всех Святых. Собор имеет ту же композицию, что и енисейский, но первоначально восьмерик завершался пятиглавием, что видно на рисунке иеродиакона Никона Красовского (1738). Уже в середине XVIII в. оно было заменено одноглавием, и при реставрации памятника в 1967–1985 гг., в отличие от шатровой колокольни, восстановлено не было, что вызывает недоумение²⁴. Было ли оно крещатым или нет, по изображению сказать трудно, но скорее да, как и у образца; люкарны на рисунке не видны. Декоративные детали

Богоявленская церковь в Соликамске. 1687–1695. Декор четверика. Фотография автора. 1999 г.

Богоявленский собор в Иркутске. Рисунок Н. Красовского. 1738 г.
Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII — нач. XX в.
М., 2000. С. 108

иркутского собора в целом повторяют верхотурские, но не отличаются таким разнообразием и качеством исполнения. Края проемов украшены колонками: они такие же, как в Верхотурье, но значительно тоньше, и потому вместо одной на каждом углу пришлось сделать три; такая трактовка сближает их с допетровским спаренными полуколонками. Карнизы здесь значительно примитивнее, состоят из кронштейнов-кубиков или язычков. Фризы карнизов трапезной и нижнего этажа притвора, а также наличников выложены изразцами. Каждая из граней восьмерика завершается двумя утопленными кокошниками. Наличники завитковые и с разорванными треугольными фронтонами. К допетровским формам можно отнести перспективный наборный портал, ведущий в придел под колокольной: таким же был портал верхнего этажа в Далматове.

Несколько ранее Богоявленского собора в Иркутске была возведена Спасская церковь. Она была заложена в южной стене острога в 1706 г. по инициативе митрополита Филофея, «усердием» воеводы Александра Синявина и «участием» горожан. Строилась она под руководством московского каменщика Моисея Ивановича Долгих, работавшего до того в Тобольске и Верхотурье, а в 1701–1711 гг. находившегося в Иркутске и возведшего здесь также приказную избу (1702–1706). Храм строился на подклете, который вскоре было решено превратить в теплый храм. Главный престол (в летнем храме) был освящен в 1710 г., а нижний — Никольский — в 1713 (по другим сведениям, в 1717). Колокола сначала висели на деревянной башне острога, и только в 1758–1762 гг. к храму была пристроена большая колокольная. По объемно-пространственной композиции Спасская церковь принадлежит к традиционному типу бесстолпного посадского храма. На невысоком подклете размещены высокий, слегка растянутый

Богоявленский собор в Иркутске. Фотография конца XX в.

в ширину четверик, с запада к нему примыкает низкая трапезная, с востока — алтарь с тремя полукружиями. На уровне второго этажа всё здание опоясывало гульбище. Сейчас церковь одноглавая, но, по убедительному мнению некоторых исследователей, первоначально она была пятиглавой; малые главы, размещавшиеся по диагонали, были деревянными²⁵. Завершение четверика имеет срезанные углы и окружено одним рядом утопленных в стену

Спасская церковь в Иркутске. 1706–1713. Фотография начала XX в.
Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII — нач. XX в.
М., 2000. С. 140

кокошников (они восстановлены при реставрации в 1967–1980 гг.). Композиция фасадов и декоративное убранство выполнены в основном в допетровских формах (пилястры, обрывающиеся над окнами, живописная компоновка окон северного фасада, колонки наличников с бусинами и валиками, бегунец во фризе), но с нарышкинскими влияниями (разорванные криволинейные фронтоны, напоминающие «петушиные гребни», точно такие же, какие украшали иркутскую приказную избу²⁶). Храм с пятиглавием на четверике был самым распространенным типом приходского храма с 1640-х гг. С 1690-х гг. храмы этого типа стали получать нарышкинский декор. Наиболее близкими с географической точки зрения аналогиями являются храмы Соликамска, Преображенский монастырский (1683–1690) и Богоявленский (1687–1695)²⁷. Сходство с церквами Соликамска, особенно Спасской (1689), проявляется и в отдельных формах: тройной апсиде при вытянутом вширь четверике, наборных колонках наличников, «оборванных» лопатках. В то же время завершение наличников разорванными пятилопастными фронтонами выдает руку мастеров, не работавших до того в Сибири (где эти формы неизвестны) — возможно, московских.

К тому же типу бесстолпного пятиглавого посадского храма, что и Спасская церковь, относятся не сохранившийся Троицкий («старый») собор (1712–1720) Нерчинска и постепенно разрушающийся собор пригородного Успенского Нерчинского монастыря (1712)*. В отличие от Спасской церкви, монастырский собор изначально имел шатровую колокольню (единственная уцелевшая в Сибири — если не считать восточного склона Урала). Пропорции их растянутых в ширину восьмериков особенно близки Соликамску, сходны и отдельные формы декора (многолопастные и треугольные допетровские наличники, отчасти — карнизы и формы кокошников). В то же время основу декора составляют разорванные нарышкинские фронтоны, неизвестные в Соликамске, но и не похожие на наличники Спасской церкви в Иркутске. Более близкой аналогией оказывается северный Петропавловский придел иркутского Богоявленского собора (1724). Его четверик тоже растянут по ширине и тоже увенчан утопленными кокошниками, а форма наличников аналогична наличникам нерчинского Троицкого собора.

* * *

С композиционно-иконографической точки зрения рассмотренные здания можно разделить на три группы. Три традиционных бесстолпных храма приходского типа — Спасский в Иркутске и два

* После упразднения монастыря в 1773 г. стал приходской церковью села Монастырского (Успенского), ныне Калинино.

Спасская церковь в Соликамске. 1689. Фотография автора. 2006 г.

Собор Успенского Нерчинского монастыря. 1712. Фотография автора. 2001 г.

в Нерчинске. Основная группа — пять храмов восьмериком на четверике и колокольной по оси. Из них собор в Верхотурье является самостоятельной композицией московского нарышкинского стиля, сходной с храмом Успения на Покровке и отчасти с другими храмами Москвы и Нижнего Новгорода. Соборы в Тюмени и Далматове также ориентируются непосредственно на храм Успения на Покровке, но обращаются также и к формам верхотурского собора. Провинциальной репликой верхотурского собора видится иркутский Богоявленский собор, упрощенным вариантом — енисейский. Верхотурье и Далматове имеют уникальные композиционные решения: с крещатым пятиглавием на люкарнах и — в Далматове — сочетанием четырехстолпного нижнего и бесстолпного верхнего храма. Любопытно, что при этом все храмы этой группы, кроме самого архаичного в Енисейске, имели шатровые

Воскресенский собор в Лальске. 1698–1715.
Фотография автора. 2002 г.

колокольни. И наконец, третья группа, куда входит только Воскресенский собор в Тобольске, предположительно, единственный памятник петровского барокко в Сибири.

С точки зрения стиля храма в Верхотурье является первоклассным образцом нарышкинского стиля, в Тюмени — чуть более скромным, в Далматове — очень своеобразным и во многом архаизирующим. Остальные храмы, за исключением архаического енисейского, являются интересными образцами провинциального нарышкинского стиля. Учитывая оригинальные украинские формы работ митрополичьей артели, Сибирь петровского времени предстает самой прогрессивной региональной архитектурной школой Северо-востока России — наряду с Казанью, где с 1690-х гг. полностью господствовал нарышкинский стиль, пусть и в несколько провинциальном варианте. Во всех остальных регионах царили исключительно допетровские формы (Каргополь и Нижнее Подвинье), либо их сочетание с постепенно распространяющимися нарышкинскими формами в декоре и реже композиции (Великий Устюг, Вятка, Приуралье)*. Это стало возможным лишь благодаря прямому государственному вмешательству в архитектурный процесс. Правда, о возникновении особой региональной стилистики говорить не приходится. После перерыва 1720-х — 1730-х гг. развитие архитектуры в каждой из частей Сибири пойдет по-своему, с ориентацией на предшествующие памятники (Тобольск, далматовская артель, Енисейск) или без оной (Иркутск). Важно, что при любом варианте развития художественный авторитет петровских храмов Сибири оказался столь высок, что обеспечил здесь долгую и счастливую

жизнь нарышкинскому стилю в целом — его первоклассные образцы создавались здесь вплоть до 1770-х гг.

Что же касается общерусского значения петровского строительства в Сибири, то оно показало возможности и проблемы масштабной мобилизации строительных ресурсов и стало как бы генеральной репетицией главного мероприятия столетия — стройки Санкт-Петербурга.

Примечания

- ¹ О круге связанных с ее деятельностью зданий см.: Масиель Санчес Л. К. К вопросу об «украинизмах» архитектуры тюменского Троицкого монастыря // Искусство христианского мира. Вып. 7. М., 2003. С. 234–242; Он же. Свет Лавры in partibus infidelium: «украинизмы» в архитектуре Сибири XVIII в. // АН. Вып. 54. 2011. С. 144–157.
- ² Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Кон. XVII–XVIII века. Новосибирск, 1979. С. 155.
- ³ Там же. С. 97.
- ⁴ По адресам Ленина, 122, и Петровского, 11. См.: Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вверх по Енисею. М., 1980. С. 31–32.
- ⁵ Копылова С. В. Указ. соч. С. 97.
- ⁶ Там же. С. 97.
- ⁷ О нем: Тельтевский П. А. Троицкий собор в Верхотурье // АН. Вып. 12. 1960. С. 169–178; ВИА. Т. 6. М., 1968. С. 190; Проскурякова Т. С. О традиционализме в монументальной архитектуре Сибири XVIII в. // АН. Вып. 34. 1986. С. 114–115; Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII века. Свердловск, 1990. С. 13–16, 41–50; Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество Сибири в XVIII в. Новосибирск, 1994. С. 19–22; История русской архитектуры. СПб., 1994. С. 287.
- ⁸ Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество... С. 19; Каптиков А. Ю. Указ. соч. С. 15–16.
- ⁹ Подобная неслитная трактовка объемов характерна для самых ранних храмов типа «восьмерик на четверике», еще не приобретших нарышкинский декор — например в Знаменском-Губайлове (1683–1684, не сохранился) и Рождественском погосте на Пахре (1685–1686). См.: Выголов В. П. О развитии ярусных форм в зодчестве кон. XVII в. // Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964. С. 242.
- ¹⁰ Каптиков А. Ю. Указ. соч. С. 43, 45 и прим. на с. 165.
- ¹¹ Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество... С. 21.
- ¹² Косточкин В. В. Чердынь. Соликамск. Усолье. М., 1988. С. 132–133; Заварихин С. П. Указ. соч. С. 34.
- ¹³ Каптиков А. Ю. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁴ Цит. по: Курмачев В. А. Патриарх белокаменного зодчества. К 300-летию Благовещенской церкви г. Тюмени, 1700–2000 гг. Тюмень, 2000. С. 6.
- ¹⁵ Он многократно публиковался, например, см.: Проскурякова Т. С. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁶ Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII — нач. XX в. Новосибирск, 1981. С. 193–194.

* Характерен роскошный Воскресенский собор в Лальске (1698–1715) — с отличным нарышкинским декором, но традиционного пятиглавого типа.

- ¹⁷ Прибыткова А. М. Заметки о памятниках архитектуры Тюмени // АН. Вып. 14. 1962. С. 198.
- ¹⁸ Цит. по: Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество... С. 25.
- ¹⁹ Бугаева Н. И. Композиционные особенности архитектурного комплекса Далматова монастыря и его значение // Вопросы теории и практики архитектурной композиции. М., 1979. С. 59.
- ²⁰ Курмачёв В. А. Указ. соч. С. 35.
- ²¹ Каптиков А. Ю. Указ. соч. С. 50.
- ²² Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вверх по Енисею. М., 1980. С. 34; Шумов К. Ю. Монументальная культовая архитектура Енисейска XVIII в. // Вопросы истории и теории русской и советской архитектуры. Л., 1988. С. 67; Гринберг Ю. И., Шумов К. Ю. Енисейск. Памятники архитектуры XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск, 1989. С. 87–111; Буланков В. В. Хронология каменных строений в Енисейске в XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 2. Красноярск, 1992. С. 261–270; Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество... С. 70.
- ²³ Шумов К. Ю. К вопросу о первоначальном архитектурном облике Богоявленского собора в Енисейске // ПКНО. М., 2000. С. 574–580.
- ²⁴ Крючкова Т. А. Из истории строительства и реставрации Иркутского Богоявленского собора. URL: info.irk.ru/irkutsk/streets/bgycer.htm.
- ²⁵ Беседина О. Н. Памятники истории и архитектуры Иркутска. Культовое зодчество. Новосибирск, 1990. С. 24; Баландин С. Н. Указ. соч. С. 84.
- ²⁶ Ее облик известен по рисунку А. И. Лосева, зафиксировавшего формы здания перед разборкой в 1823 г. См.: Полунина Н. М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 29.
- ²⁷ Это отметил С. Н. Баландин: Баландин С. Н. Указ. соч. С. 84.

Список литературы

1. Баландин С. Н. Культовое каменное зодчество Сибири в XVIII в. Новосибирск, 1994.
2. Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII — нач. XX в. Новосибирск, 1981. С. 193–194.
3. Беседина О. Н. Памятники истории и архитектуры Иркутска. Культовое зодчество. Новосибирск, 1990.
4. Буланков В. В. Хронология каменных строений в Енисейске в XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 2. Красноярск, 1992. С. 261–270.
5. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вверх по Енисею. М., 1980.
6. Гринберг Ю. И., Шумов К. Ю. Енисейск. (Памятники архитектуры XVIII в.) // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск, 1989. С. 87–111.
7. Жученко Б. А., Заварихин С. П. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984.
8. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII — нач. XX в. М., 2000.
9. Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в. Свердловск, 1990.
10. Кириллов В. В. Сибирский приказ и его роль в организованном строительстве городов на новых землях // АН. Вып. 28. М., 1980. С. 13–19.
11. Кириллов В. В. Тобольск. М., 1984.
12. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — нач. XIX в. Новосибирск, 1974.
13. Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Кон. XVII–XVIII века. Новосибирск, 1979.
14. Крадин Н. П. Памятники архитектуры Нерчинска XVIII–XIX вв. // АН. Вып. 33. М., 1985. С. 78–88.
15. Крючкова Т. А. Из истории строительства и реставрации Иркутского Богоявленского собора // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1990. С. 202–226.
16. Курмачев В. А. Патриарх белокаменного зодчества. (К 300-летию Благовещенской церкви г. Тюмени, 1700–2000 гг.). Тюмень, 2000.
17. Леонтьева Г. А. Застройка Тюмени и ее государственное обеспечение в кон. XVII — нач. XVIII вв. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 54–69.
18. Манькова И. Л., Нечаева М. Ю., Масиель Санчес Л. К. Далматов мон-рь // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 659–664.
19. Масиель Санчес Л. К. Иркутская епархия. Архитектура // ПЭ. Т. 26. М., 2011. С. 503–508.
20. Масиель Санчес Л. К. К вопросу об «украинизмах» архитектуры тюменского Троицкого монастыря // ИХМ. Вып. 7. М., 2003. С. 234–242.
21. Масиель Санчес Л. К. Свет Лавры in partibus infidelium: «украинизмы» в архитектуре Сибири XVIII в. // АН. Вып. 54. М., 2011. С. 144–157.
22. Полунина Н. М. Живая старина Приангарья. М. 1990.
23. Проскуракова Т. С. К характеристике монументальной архитектуры Западной Сибири XVII–XVIII вв. // АН. Вып. 35. М., 1988. С. 53–63.
24. Тельтевский П. А. Троицкий собор в Верхотурье // АН. Вып. 12. М., 1960. С. 169–178.
25. Шумов К. Ю. К вопросу о первоначальном архитектурном облике Богоявленского собора в Енисейске // ПКНО: Письменность. Искусство. Археология. М., 2000. С. 574–580.
26. Шумов К. Ю. Монументальная культовая архитектура Енисейска XVIII в. // Вопросы истории и теории русской и советской архитектуры. Л., 1988. С. 67–71.

References

1. Balandin S. N. *Kul'tovoe kamennoe zodchestvo Sibiri v XVIII v.* Novosibirsk, 1994.
2. Balandin S. N. Nachalo russkogo kamennogo stroitel'stva v Sibiri. *Sibirskie goroda XVII — nach. XX v.* Novosibirsk, 1981, pp. 193–194.
3. Besedina O. N. *Pamiatniki istorii i arkhitektury Irkutsk. Kul'tovoe zodchestvo.* Novosibirsk, 1990.
4. Bulankov V. V. Khronologiya kamennykh stroenii v Eniseiske v XVIII v. *Pamiatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraia*, i. 2, Krasnoyarsk, 1992, pp. 261–270.
5. Gnedovskii B. V., Dobrovol'skaia E. D. *Vverkh po Eniseiu.* Moscow, 1980.
6. Grinberg Iu. I., Shumov K. Iu. Eniseisk. (Pamiatniki arkhitektury XVIII v.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraia*, i. 1, Krasnoyarsk, 1989, pp. 87–111.
7. Zhuchenko B. A., Zavarikhin S. P. *Tiumen' arkhitekturnaia.* Sverdlovsk, 1984.
8. Kalinina I. V. *Pravoslavnye khramy Irkutskoi eparkhii XVII — nach. XX v.* Moscow, 2000.
9. Kaptikov A. Iu. *Kamennoe zodchestvo Russkogo Severa, Viatki i Urala XVIII v.* Sverdlovsk, 1990.
10. Kirillov V. V. Sibirskii prikaz i ego rol' v organizovannom stroitel'stve gorodov na novykh zemliakh. *Arkhiturnoe nasledstvo*, i. 28, Moscow, 1980, pp. 13–19.
11. Kirillov V. V. *Tobol'sk.* Moscow, 1984.
12. Kopylov A. N. *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII — nach. XIX v.* Novosibirsk, 1974.
13. Kopylova S. V. *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri. Kon. XVII–XVIII veka.* Novosibirsk, 1979.
14. Kradin N. P. Pamiatniki arkhitektury Nerchinska XVIII–XIX vv. *Arkhiturnoe nasledstvo*, i. 33, Moscow, 1985, pp. 78–88.
15. Kriuchkova T. A. Iz istorii stroitel'stva i restavratsii Irkutskogo Bogoiavlenskogo sobora. *Pamiatniki istorii i kul'tury Irkutsk*, Irkutsk, 1990, pp. 202–226.
16. Kurmachev V. A. *Patriarkh belokamennogo zodchestva. (K 300-letiiu Blagoveshchenskoi tserkvi g. Tiumeni, 1700–2000 gg.).* Tyumen, 2000.
17. Leont'eva G. A. Zastroika Tiumeni i ee gosudarstvennoe obespechenie v kon. XVII — nach. XVIII v. *Pamiatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri*, Novosibirsk, 1989, pp. 54–69.
18. Man'kova I. L., Nechaeva M. Iu., Masiel' Sanches L. K. Dalmatov monastyr'. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 13, Moscow, 2006, pp. 659–664.
19. Masiel' Sanches L. K. Irkutskaya eparkhiia. *Arkhitectura. Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 26, Moscow, 2011, pp. 503–508.
20. Masiel' Sanches L. K. K voprosu ob «ukrainizmay» arkhitektury tiumenskogo Troitskogo monastiria. *Iskusstvo khristianskogo mira*, i. 7, Moscow, 2003, pp. 234–242.
21. Masiel' Sanches L. K. Svet Lavry in partibus infidelium: «ukrainizmy» v arkhitekture Sibiri XVIII v. *Arkhiturnoe nasledstvo*, i. 54, Moscow, 2011, pp. 144–157.
22. Polunina N. M. *Zhivaia starina Priangar'ia.* Moscow, 1990.
23. Proskuriakova T. S. K kharakteristike monumental'noi arkhitektury Zapadnoi Sibiri XVII–XVIII vv. *Arkhiturnoe nasledstvo*, i. 35, Moscow, 1988, pp. 53–63.
24. Tel'tevskii P. A. Troitskii sobor v Verkhotur'e. *Arkhiturnoe nasledstvo*, i. 12, Moscow, 1960, pp. 169–178.
25. Shumov K. Iu. K voprosu o pervonachal'nom arkhitekturnom oblike Bogoiavlenskogo sobora v Eniseiske. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya*, Moscow, 2000, pp. 574–580.
26. Shumov K. Iu. Monumental'naya kul'tovaya arkhitektura Eniseiska XVIII v. *Voprosy istorii i teorii russkoi i sovetskoi arkhitektury*, Leningrad, 1988, pp. 67–71.